

На чём стоим

Я много раз пыталась писать о своей семье. Но мне не нравился результат. Дочь Ирина сказала: «Пиши о себе». Пишу.

Я родилась в г. Ульяновске и живу здесь до сих пор. Отец – Ламовский Николай Николаевич, мама – Ламовская Тамара Андреевна. Моё детство тесно связано с двумя улицами: Радищева и Корюкина, где жили мои бабушки.

Память сердца... Она не даёт покоя, заставляет пережить всё, что любил в детстве, в юности, во взрослой жизни.

Ира Ламовская

Проживая эту жизнь с любовью, ты любишь ещё сильнее, ещё осознаннее, ещё возвышеннее. Любишь свой город не только потому, что прожил в нём всю жизнь, но и потому, что в нём жили твои деды и прадеды. Дороги места, где они сами любили и трудились, дороги их могилы. Возраст старшей из них – более ста лет.

В моей семье сохранились документы: архив Николая Михайловича Ламовского, моего прадеда, попечителя учительского совета Симбирской духовной семинарии; купчая на дом, где жила его семья до революции; табель и работы по географии его жены, Жулёвой Евгении Петровны, уроженки Тамбова; сочинения, грамоты и табели их детей:

*Жизнь, как река, течёт меж берегов,
Мелькают лица, даты, откровенья.
Проходят мимо несколько веков,
И вот, остановившись на мгновенье,
Я вижу реки: Тигр и Евфрат.
Не сами реки, но их отраженья:
Две улицы, они как брату брат
Рассказывают днями сновиденья
О жизни той, когда для пап и мам
Деревья показались бы большими,
Когда делилось всё напополам,
Они судьбу соединить решили.
Мы тоже там гоняли босиком,
Для нас деревья были ещё выше,
Всё остальное было уж потом,
Когда менялись флагами на крыше.
Сожгли дома, чтоб землю захватить,
Умыли руки власти втихомолку.
Теперь уж что об этом говорить?
Давно всё было, да и мало толку.
Но улицы, как память на века,
Зовут меня магическим зарядом.
И голос прадеда звучит издали:
«Зачем же так?»*

Ведь совесть где-то рядом».

*Радищева и Водников влекут,
Из улицы Советской вытекая,
Чтоб память сердца поселилась тут,
Заполнив всё от края и до края.*

Серафима Николаевича и Ольги Николаевны Ламовских.

Пожелтевшие документы из далёкого прошлого воскрешают память предков, наполняют прошлое содержанием и приближают события к тебе настолько близко, что ты чувствуешь себя участником той жизни, которой они жили.

Ольга Николаевна

Прочитала книгу Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Из неё понятно, какой уровень образованности давали духовная семинария для мужчин и институт благородных девиц для женщин. И не оставляет мысль: не осрамиться, подняться выше, вырастить детей так, чтобы не стыдно было перед предками.

Симочка и Олечка – так называли своих детей Николай Михайлович и Евгения Петровна Ламовские.

На память своему сыну отец подарил фотографию с надписью: «В память о моих наставлениях».

Для меня эта надпись говорит о многом. Тактичность и доверительность я воспитывала в себе, как в матери, тем более что моя бабушка Ольга Николаевна была рядом, учила нас и не только нас.

В 1917 году закончилась её учёба в институте благородных

девиц. Право преподавать она получила на учительских курсах. К тому времени Ольга Николаевна знала немецкий и французский. Английский познала позже. Нежнейшая девушка, воспитанная в благородном семействе, получившая прекрасное образование, окружённая любовью и заботой близких, оказалась в водовороте революционных событий.

В 1918 году не стало Николая Михайловича Ламовского.

Евгения Петровна купила маленький домик на Водников, где она поселилась с дочерью и семьёй коллеги Николая Михайловича Павловского, с его девятью детьми.

Ольга Николаевна
с сыном

Бабушка – моя душа, мой идеал веры, преданности. Что она чувствовала тогда, о чём думала? Как ей удалось сохранить любовь в своём раненом сердце?

Трудно представить человека, более действенно любящего, чем моя бабушка Оля. Она прожила в этом доме почти до самой своей смерти, без воды и санузла, без ванны, душа, с печным отоплением и с полом, по которому зимой невозможно было ходить без валенок. Что нас не убивает, делает сильнее.

Вырастить такого сына, как мой отец, мне кажется делом естественным. В нём была такая же душа, сильная и добрая. По известным причинам Ольга Нико-

лаевна смогла окончить институт только после 50 лет.

Когда я сдавала научный коммунизм в политехническом институте, мой преподаватель Николай Михайлович Капканщиков, увидев в зачётке мою фамилию, воскликнул: «Ольга Николаевна ваша бабушка?!» Фамилия редкая, ошибки быть не могло.

Он поклонился в пояс: «Кланяйтесь от меня вашей бабушке». Большого проявления уважения и благодарности я в жизни не встречала.

Ольга Николаевна, уже будучи на пенсии, работала во Дворце книги в иностранном отделе. Она бесплатно консультировала аспирантов для сдачи кандидатского минимума по иностранному языку. Какие солидные мужчины приходили в бабушкину каморку, чтобы выразить свою благодарность!

Я любила бабушкин домик, несмотря на неблагоустроенность. Уют в доме – это не всегда красивая мебель и предметы роскоши. Там была атмосфера.

Стол, за которым работал ещё мой прадед Николай Михайлович, был типичным для кабинетов того времени. Точно такой стол есть в доме Чайковского в Клину, в музеях Достоевского и Блока в Петербурге. Мы сохранили этот стол. За ним работал мой муж (за маленьким столом он не умещался). Стол этот стоит в моей квартире: отреставрированный, красивый, он хранит семейный архив.

В доме напротив очага стоял диванчик с гнутыми ножками. Обивка была потёртая, но очень красивая: атласная, с необычайным узором. Были такие же стулья.

К сожалению, музей воспользовался бескорыстием и доверчивостью моей бабушки, взамен она получила не удобный диван, а жёсткую кушетку, на которой спать было невозможно. Переживала я, мне было ужасно жаль эти гнутые ножки. Бабушка ни разу не вспомнила. «Им нужнее». Наверное, это и есть проявление веры...

Я часто думаю: что такое вера, во что мы верим, насколько в своей вере приближаемся

к истине? Вопрос веры для меня очень важен.

Бабушка выросла в православной семье. Мой папа был свидетелем религиозности Евгении Петровны.

Николай Михайлович преподавал в Симбирской духовной семинарии историю религий. В 1917 году рухнуло всё: ни отца, ни любимого брата, ни церквей, ни религии – ничего не осталось. Одна вера. И она выжила.

Выжила и моя бабушка. У меня хранится удостоверение члена общества воинствующих безбожников.

Но для неё это не имело значения: никого не осудила, никого не поругала, никого не обидела и не изменила себе. Вот это для меня истинно.

Но малую хижину
знал я когда-то.
Была неказиста,
была небогата,
Но из окошка её на меня
Струилось дыханье
весеннего дня...
Н. Заболоцкий

Мне довелось быть учителем. Хотя учителей в прошедшем времени, наверное, не бывает. Учитель учит всегда: школьников, своих детей, соседских мальчишек и девчонок. У меня было много прекрасных учителей, но об этом нужно писать отдельную книгу.

Бабушка учила мою сестру в первом классе, когда она болела. Я училась в музыкальной школе. И, как у всех, был момент, когда я сказала: «Не могу больше». «А через не могу?» – был бабушкин ответ.

Убедительность была во всём: в её голубых добрых глазах, в её отношении к происходящему вокруг, в интонации, в самих словах. До сих пор благодарю ее за то, что она подвигла меня продолжить занятия музыкой. В итоге я и детям помогла, и сама могу подыграть себе романс. Именно это она имела в виду, когда говорила: «Женщина должна всё уметь!»

Бабушка умерла в 89 лет. Упала у себя на крыльце и слегла. Пролежав год, скончалась.

Ламовский
Николай Николаевич

Когда это случилось, я была беременной пятым ребёнком. Родилась Вера. Её любили все, и Верочка всех любила. Я всегда радовалась её сочувствию окружающим и пониманию: «Мама, я не буду тебе мешать, только рядышком посижу». Солнце.

О папе писать проще. Его образ всегда со мной: его лицо, голос, его рассказы. Бабушка вошла в меня, как идеал. А папа рядом, можно даже посоветоваться. Папа верил в меня, и это дорогого стоит.

Папина вера окрыляла меня, делала мою жизнь счастливой. Теперь я знаю: ему это досталось от матери, а мне – от него. А ещё – великодушие. Не было человека, который был бы обижен или зол на моего отца, и он в каждом видел лучшее и ни о ком не отзывался плохо. Детство у него было трудное, голодное. Школу окончил в 1945 году. Этим всё сказано. Об этом он не вспоминал, а о друзьях, о школе, об учителях – только хорошее. Мы ведь тоже не помним, что и сколько мы ели, но друзья, книжка под учебником, песни после выигранной партии в волейбол...

За что я отцу больше всего благодарна? За то, что он любил мою маму всю свою жизнь. Мама была защищена совершенно, не слышала ни одного грубого слова ни от него, ни от нас (попробовали бы мы).

Я думаю, что культуру отношений и правил в семье папа перенёс из семьи своей матери, для которой утренняя гимнастика, водные процедуры, физический труд и умственная деятельность были законом.

Неукоснительно папа давал нам ежедневную установку: порядок и пятёрочки. И были и порядок, и пятёрочки.

Папа был главным механиком огромного завода УЗТС. Его профессиональная деятельность – отдельная тема. Для меня он – идеал мужчины, который позволил маме стать по-настоящему счастливой женщиной, а нам, дочерям, помог поверить в свои силы, вырасти умными, трудолюбивыми. Для внуков он был образцом семейной верности, ответственности: все они живут в семьях, растят детей и с благодарностью вспоминают бабушку и дедушку.

А отчий дом ждёт их и будет ждать.

Моя собственная семья началась в 1980-х в Советском Союзе, когда мы были более защищены государством.

У меня было очень счастливое детство, и я была уверена, что мои дети тоже будут счастливы, потому что я буду хранить семью,

как мои родители. Восемь лет мы жили вместе с ними, и трое детей родились в нашей двухкомнатной хрущёвке. Это было очень счастливое время. Мой муж Владислав Витальевич Архангельский (1942–2003), работая на «Авиастаре» инженером, был внештатным корреспондентом газет «Ульяновская правда». Его статьи появлялись в местных газетах и в советских изданиях, в том числе в известном журнале «Семья и школа». Там была напечатана целая серия статей о нашей семье, о правилах воспитания, обучения физкультуры. Самое главное правило: чтобы мама была рядом.

Мне нужно было решать кому и с кем бегать по утрам как одеваться, какая температура воды в ванной, что на обед, ужин и т. д. Рабочий день – с пяти утра, включая ночь.

Ещё нужно было дать возможность мужу работать. Его самосовершенствование требовало изоляции. Несколько европейских языков, технические переводы с немецкого и английского. В результате вышел трёхтомный международный аэрокосмический англо-русский словарь. Очень высокий уровень образованности позволял ему между делом, например моя по

Ламовские Николай Николаевич и Тамара Андреевна

суду, декламировать стихи, читать дочери лекцию о средневековой литературе, рассказывать что-нибудь детям.

Мои повседневные обязанности были привычны: детские стихи наизусть (недетские тоже), русский язык, математика, физика в школе. Папина – более ценная, как десерт.

Я оставила работу с рождением первого ребёнка. Это был сознательный выбор и очень ответственный – в стеснённых денежных обстоятельствах (одна инженерная зарплата). Я была детям нянькой, кухаркой, учительницей, портнихой. Владислав Витальевич – мозг.

Мы перешли на натуральное хозяйство. Дача, потом домик в деревне. Одежда шилась своими руками, а также абажуры, шторы... Спортзал тоже делали сами.

Планировали, справлялись. Дети постепенно переходили на самообслуживание. Научились многое делать лучше нас. Жители Нового города до сих пор помнят моих мальчиков с рюкзаками за плечами, бегущих в магазин за продуктами. Главное, мы всегда были вместе. И хорошо слышали друг друга.

В 1990-е годы на мужские плечи легли многочисленные проблемы. Мужу было очень тяжело. Мы поддерживали его, как могли. Меня держали дети. В 2003 году Владислав Витальевич погиб. На тот момент он работал техническим переводчиком в издательской фирме по 14 часов в сутки. В то время с нами жили дочери Ира и Вера. Вера заканчивала школу, а Ира – университет, факультет журналистики. Старший сын Виталий окончил Самарский авиационный институт и работал на заводе «Прогресс» в Самаре. Два других сына, Василий и Владимир, уехали строить Петербург.

Потеря отца и мужа была невосполнима. Но мы не сломались. Все вместе старались доказать отцу, что труды его не напрасны, что мы можем, должны идти вперёд.

После гибели отца семейства дети уехали строить свою жизнь. Я их поняла, отпустила и пове-

Ирина Ламовская

Отчий дом

*Здесь я живу, и здесь моя обитель.
Здесь довелось мне*

*вырастить детей,
Здесь я жила*

*и муж мой-повелитель.
Судьба, как и у многих матерей.
Такая же, но всё-таки другая:
Своя семья, свои порядки в ней,
И атмосфера тёплая, родная,
И до сих пор мне нет её родней.
Все улетели, выпорхнули дружно,
Лишь только крылья*

*отросли у них.
Все так решили,
значит это нужно
Для становленья птенчиков моих.
И стали все, и я храню,*

*как память,
Всё, что хранить,
беречь мне суждено.*

*Я поддерживу семейный
этот пламень
И творческого разума окно.
Не изменю*

*привязанностям близких,
Таких родных и нужных мне
людей,*

*И сохраняю любовно, бескорыстно,
Что дорого для внуков и детей.
И нет важнее для меня задачи –
Их поддержать заботой своей,
Оставить всё, как было, не иначе,
Чтоб всё спокойно было у детей.
И дерево,*

*что вырастили с мужем,
Живёт и держит отчий дом.
Он жив,*

*пока он нашим детям нужен,
Пока я с ними проживаю в нём.*

рила, что у них всё получится. Получилось.

Ира поступила в МГУ в аспирантуру. Вера – в Петербургский университет. Все мы работали и помогали Вере.

Я живу в нашей пятикомнатной квартире, храню всё, чем жила наша семья, и моя домашняя литературная гостиная поддерживает атмосферу нашего дома. В каждой комнате – библиотека. Любимые книги, затёртые до дыр, храню, как реликвию.

Дети выросли, построили свою жизнь, у всех семьи, дети. У меня восемь внуков.

Внучка учится в Филипповской гимназии в Москве. Там есть музей, и в нём мы разместили фотографии табелей прабабушки с оценками 12, чтобы Катенька и Сёмочка, их друзья и подруги, равнялись на них.

Интеллект, самообразование – великий пример для детей.

Я часто думаю, что помогло выжить нашей семье, поднять детей? Бед было немерено. Но, когда есть желание решить проблему, всегда найдёшь решение.

Сейчас многие молодые пары не спешат официально оформлять свои отношения и рожать детей. Если избранник не планирует будущее, не хочет детей, значит, этот человек не готов отдавать свои силы на благо семьи, и будущее с ним не построишь. Ради счастья надо трудиться, не жалуясь на жизнь.

В нашей семье не было изобилия, не хватало средств. Но и мой супруг, и дети всегда спешили домой, зная, что их ждёт горячий, вкусный обед, понимание. Я перешивала пальтишки, платица и учила дочерей шить, вязать, готовить. Когда в дело вкладываешь душу, получаются прекрасные вещи. Нужна не только физическая, но и внутренняя работа. Духовные силы помогают двигаться к радости. Всё в наших руках. Если роптать и жаловаться, ничего не добьёшься. Но всё, что ты делаешь, – твой будущий капитал.

Несите в себе радость.

Ирина Ламовская
(Архангельская)